

АКАДЕМИК ЛИТОВСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАРИН

Если нужно было бы указать наиболее характерную особенность Б. А. Ларина как ученого-эрудита, то следовало бы сказать, что он был самым образованным лингвистом нашего времени. Так считали и лингвисты старшего поколения, и его ученики.

Образованность — это не просто обилие знаний, а знания в определенной культурно-исторической системе. Эта система различна в различные эпохи. Образованность Б. А. Ларина была образованностью филолога конца XIX—начала XX в., когда она приобрела известную внутреннюю цельность и стояла в России очень высоко.

Но если необходимо было бы указать наиболее характерную черту Б. А. Ларина как ученого человека, то я бы назвал его общественный темперамент — темперамент, сказывавшийся во всей его деятельности, особенно педагогической, и постоянно заставлявший его обращаться от классических тем филологии к заботам сегодняшнего дня науки, к темам новым, связанным с современной ему действительностью.

В сочетании этих двух черт ученого и человека — своеобразие Б. А. Ларина, самим существом своим как бы призванного к тому, чтобы приобщить темы изучения современной жизни языка к лучшим традициям русской филологии ее классического периода.

В юности Б. А. Ларин занимался древнерусской литературой в знаменитом киевском семинарии В. Н. Перетца, затем санскритом под руководством профессора Ф. И. Кнауэра, академиков Ф. И. Щербацкого и С. Ф. Ольденбурга, славистикой у И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, иранскими языками у академика

Борис Александрович Ларин

К. И. Залемана, романскими — у профессора Д. К. Петрова, балтийскими — у Э. А. Вольтера.

Б. А. Ларин знал все славянские языки, литовский и латышский, основные западноевропейские и классические, санскрит в их числе.

Ни одна из тем его юношеских занятий и ничто из его разносторонних знаний не осталось за бортом его последующих исследований, но, кроме того, он расширил эти темы, занимаясь современными диалектами — сельскими и городскими, работами по лексикологии и лексикографии, по языку и стилю Некрасова, Чехова, Горького, Шолохова.

Широту своих знаний Б. А. Ларин использовал как для решения очень общих проблем, так и для исследования отдельных явлений, в частности для выяснения

истории отдельных слов, а также в своей обширной лексикографической работе, особенно им любимой. И всюду сказывался его великолепный темперамент исследователя в сочетании со строгой сдержанностью отточенного научного метода.

В научной работе он ценил прежде всего людей, как объект изучения, и поэтому особенно интересовался живой разговорной речью, а в разговорной речи — речью городской, «городскими диалектами». Он ввел в науку изучение «городских диалектов», дал этой отрасли языкознания направление и метод.

«Если бы картографически представить лингвистическую разработку, например, современной Европы, — писал Б. А. Ларин, — то самыми поразительными проблемами на ней оказались бы не отдаленные и неприступные уголки, а именно большие города».¹

Сочетание интереса к исследованию современного состояния языков с обращением к их далекому прошлому было возможно в работах Б. А. Ларина благодаря глубокому историческому подходу. Он стремился довести изучение разговорной речи до возможно более ранних хронологических вех и проследить древние явления в современности. На этом основывался и его специфический интерес к составленным иностранцами в XVI и XVII вв. русским «разговорникам».

Всякий национальный письменный документ (даже берестяная грамота) в той или иной степени отражает традиции данной национальной письменности. Не отражают эти традиции только записи иностранцев, выполненные средствами их собственной письменности. Этим был обусловлен огромный интерес Б. А. Ларина к записям разговорной речи, сделанным в XVI—XVII вв. иностранцами. Вниманием к разговорному языку XVI—XVII вв. отмечены монографические издания-исследования Б. А. Ларина: «Русская грамматика Лудольфа 1696 г.» (1937), «Парижский словарь москвитов 1586 г.» (1948) и «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.)» (1959).

Б. А. Ларин считал знание современного языка необходимым для изучения его истории, как и историю языка для познания современных его форм. Он писал:

¹ Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города. — В кн.: Русская речь. Л., 1928, вып. 3, с. 61.

«Если бы в наших руках были только письменные источники, только то немногое, что сохранилось от первых веков развития нашей письменности, то можно сказать с уверенностью, что мы никогда не имели бы надежды полного понимания наших старых текстов».²

Б. А. Ларин не искал легких путей в науке и изучал язык в его наиболее сложных, а потому и наиболее интересных формах. Так, он считал необходимым исследовать диалект в его полном составе, а не ограничиваться только специфическими для данного диалекта явлениями. Этот принцип был положен им и в основу «Псковского областного словаря». В инструкции к его составлению Б. А. Ларин писал: «Псковский областной словарь... составляется как словарь полного типа. Поэтому он содержит не только исключительные слова и выражения псковских говоров, а по возможности весь их активный словарный запас».³

Характерная черта Б. А. Ларина как ученого — стремление разрывать замкнутые круги изучения, подчеркивать связи истории с современностью, а современности с историей, не замыкаться в области одного национального языка, одного диалекта, одной социальной группы. Он всюду идет по наиболее трудному пути, комплексно и исторически. Это характерно для его исследований живой речи: диалектов сельских и городских, разговорного языка современного и средневекового.

Будучи горячим защитником изучения живой диалектной речи, он одновременно, в отличие от большинства диалектологов, требовал исследовать ее в связи с литературным языком и изучать смешанные формы речи в песнях, сказках, пословицах, загадках. Он ведет наблюдения над речью различных поколений крестьян, а не только стариков, как это было принято до него. Он изучает влияние городских диалектов на говор крестьян, не стремясь выделить в языке крестьян какую-то идеально «чистую» группу характерных для этого диалекта явлений.

Б. А. Ларин писал: «Представляется методологическим промахом изучать диалекты обособленно, устранять из исследования тот материал, в котором больше про-

² Ларин Б. А. Об атласе русского языка и современной диалектологии. — Учен. зап. Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та, 1938, т. 1, с. 111.

³ Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Изд-во ЛГУ, 1961, с. 3.

явилось диалектическое взаимодействие (влияние соседних говоров, отражение книжного и «городского» языка, иноязычные заимствования)». ⁴

Та же черта отличает и его исследования по истории отдельных слов. Он изучает историю слова, привлекая данные других родственных языков (исследования слов «семья», «кавардак», «янтарь» и др.); анализирует языковые факты в тесной связи с условиями, в которых эти факты живут. Язык не был для исследователя мертвой системой, а, напротив, одним из явлений сложной и взаимосвязанной в своих многообразных фактах жизни. Язык не был для него оторван от жизни, от быта, от этнографии. Б. А. Ларин отмечал как заслугу А. А. Шахматова привлечение наряду с данными диалектологии фактов из истории народа, в частности данных этнографии. ⁵

Стремление связывать изучение языка с изучением условий его жизни, с выяснением тех конкретных явлений, о которых язык так или иначе свидетельствовал, сказалось и в руководимой Б. А. Лариным словарной работе. Стремление это было положено в основу составления карточек-выписок для «Древнерусского словаря». К составлению картотеки этого словаря Б. А. Лариным был привлечен ряд выдающихся специалистов по древнерусским памятникам, хорошо осведомленных в истории текста этих памятников, и специалистов по культуре Древней Руси — искусствоведов, богословов, археологов и историков.

Принцип Б. А. Ларина в расписывании древнерусских памятников для словаря заключался в том, чтобы сперва изучить историю текста памятника и только затем его расписывать для картотеки. Чтобы не засорять ее ненужными карточками, Б. А. Ларин считал необходимым расписывать только древнейший текст, для чего надо было установить редакции текста и их взаимоотношения. Дата памятника, а не простая дата списка, была для него основной. В этом отношении принцип расписывания памятника на карточки совпадал у Б. А. Ларина с основами современной текстологии: сперва изучить историю текста и только после этого его издавать и им пользоваться.

⁴ Ларин Б. А. Материалы по литовской диалектологии. — Язык и литература. Л., 1926, т. 1, вып. 1—2, с. 97.

⁵ Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. А. А. Шахматова и наши современные задачи. — Учен. зап. ЛГУ, 1960, № 267, вып. 52.

Это было особенно важно также и потому, что древнерусские памятники часто повторяют друг друга, и необходимо поэтому предварительно решить вопрос о том, что расписывается в памятнике, в отношении всего памятника в целом, а не в последующей работе в отношении каждого слова в отдельности, полагаясь на опыт и знания отдельных составителей и редакторов словарных статей. Так, например, специалисты по истории летописания В. Л. Комарович, М. Д. Приселков и Б. А. Романов, составляя карточки-выписки из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, расписывали общие для обеих летописей тексты только по Лаврентьевской летописи, как представляющей древнейший вариант текста, а Ипатьевскую летопись — только в ее «свободной» части.

Знание истории текста (а не простой учет древности списка) было для Б. А. Ларина важнейшим требованием к составлению карточек — выписок из памятников. Он считал, что ошибки в словарях начинаются уже на первых этапах работы — при выписке цитат. В этом подходе к словарной работе сказывалось глубокое лингвистическое мышление, умение изучать язык в его конкретной обстановке. Эта черта Б. А. Ларина как исследователя-реалиста была органически связана с другой его чертой: в своих обобщениях он исходил из изучения частных фактов и никогда не подменял выводы, сделанные индуктивным путем, скороспелой дедукцией. Он не подгонял факты под обобщения и решительно изгонял из науки концепции, какими бы эффективными они ни казались, если они не опирались на все известные ему материалы. От фактов к обобщениям этих фактов, а не от обобщений к истолкованию фактов — таков был строгий принцип ученого.

Б. А. Ларин не был ни догматиком, ни традиционалистом. Его острый критический анализ направлялся на то, чтобы приводить в движение научную пытливость, а не останавливать ее самоуверенными и исключаящими дальнейшие разыскания ответами.

Вот почему он не создал развитой системы своих взглядов, но дал нечто гораздо более важное для развития науки: он дал направление изучению языка. Система редко переживает своего создателя, направление же позволяет творчески развивать мысли учителя. Первая завершает какую-то работу, сделанную учителем, второе же открывает путь для самостоятельных исследований его учеников.

У Б. А. Ларина не было единого законченного и «жесткого» научного построения, но были законченные представления о том, что надо делать. Он следовал гибким и творческим идеям, но не жестким концепциям. Все исследования Б. А. Ларина в той или иной степени проникнуты заботой о будущем науки, говорят о задачах изучения, дают примеры и образцы для аналогичной разработки близких тем. В его исследованиях чувствуется громадный ученый-педагог, воспитатель исследователей. Часто он не разрешал поставленные задачи в окончательной форме, но всегда способствовал их будущему решению. Он был в высокой степени социален как ученый, был инициатором многих крупнейших лингвистических коллективных исследований. Он стремился к развитию филологической культуры повсюду, где только мог, и очень много сделал для развития лингвистических исследований по национальным языкам не только в Ленинграде, но и в Литве, Латвии, Эстонии, на Украине.

Он стремился к коллективности науки, и его любимыми жанрами научных исследований были жанры коллективных работ: словарная работа, в частности как коллективная по преимуществу, работа экспедиционная, организация конференций.

Б. А. Ларин любил работать совместно с учениками. Он создавал творческие научные коллективы, руководил ими, участвовал в них в качестве старшего сочлена. Коллективы его учеников или учеников его учеников рассеяны по всей стране. Они имеются в Ленинграде, Вильнюсе, Киеве, Риге, Саратове, Днепропетровске.

Ученый бессмертен в своих трудах и в трудах своих учеников. В работах учеников воплощаются те из его идей, которые не могли получить воплощения в его собственных трудах. Ученики дают действенное продолжение его работам. Для Б. А. Ларина была радостью каждая удача молодого ученого. Он любил оппонировать и постоянно ездил для участия в защитах в другие города. Ему было дорого «территориальное расширение» науки в той же мере, как было дорого расширение тем научных исследований, рост тематики, включение новых объектов и нового рода занятий в сферу филологии.

Работы Б. А. Ларина всегда читаются с интересом. Он всегда работал с увлечением и только над тем, что его интересовало. Вот почему все его работы так увлекательны. Интересность заразительна!

В Б. А. Ларине жил глубоко скрытый и тщательно сдерживаемый талант художника слова. Этот талант редко прорывался в откровенных формах и только опытному глазу был заметен — то в замечательном, изящном стиле его научной прозы, анализе стиля «Чайки» Чехова⁶ или «Судьбы человека» Шолохова,⁷ то в собственных его переводах с древнерусского⁸ или санскрита.⁹ Его переводы по своему характеру были далеки от так называемых «профессорских переводов», в которых удобочитаемость приносится в жертву точности подстрочника. Его переводы были переводами художника: художника слова и художника, глубоко проникающего в суть изучаемых им эстетических явлений.

(Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977, с. 5—10)

⁶ См.: Ларин Б. А. «Чайка» А. П. Чехова: (Стилистический этюд). — В кн.: Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. Изд-во ЛГУ, 1964, с. 11.

⁷ См.: Ларин Б. А. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека»: (Опыт анализа формы). — Нева, 1959, № 9, с. 199—205.

⁸ См.: Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.

⁹ См.: Из области ведийской поэзии: (стихотворные переводы из вед со вступительной статьей). — Восток, 1924, № 4, с. 46—57.